

ЛИТЕРАТУРА

УДК 82;316.3

Алпатова Т.А.

Московский государственный областной университет

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ *

T. Alpatova

Moscow State Regional University

THE HISTORY OF LITERARY CRITICISM AND THE PROBLEMS OF ANALYZING WRITER'S PERSONALITY

Аннотация. В статье анализируются направления развития современного литературоведения, выделено значение истории литературоведения как особого направления в развитии гуманитарного знания. Сделан обзор сложившихся тенденций в развитии истории литературоведения. Освещены перспективы её изучения и преподавания в высшей школе и в системе подготовки современного молодого учёного.

Ключевые слова: история литературоведения, личность писателя-классика, историко-функциональное изучение литературы, рецептивная эстетика, духовно-нравственный потенциал, художественно-эстетическое своеобразие литературы, восприятие, интерпретация, историко-литературная концепция.

История литературоведения – одна из тех дисциплин, изучение которых всегда будет вызывать споры и методология которых не может быть чем-то единственно установившимся. Историографическое знание в этом случае само становится методологией – и потому, что во всякой отрасли науки огромное значение имеет личность учёного, его научно-педагогические принципы, талант мыслителя, но главное – история литературоведения представляет собой науку об искусстве и именно поэтому неизбежно вбирает часть пафоса тех художе-

Abstract. The article analyzes direction of development of modern literary criticism, value of literary history as a special direction in the humanitarian knowledge. The authors studies current trends in the development of history of literary criticism, highlights the prospects of its study and teaching in high school and in the training of young scientists.

Key words: the history of literary criticism, writer's personality, historical and functional study of literature, receptive aesthetics, spiritual and moral potential, artistic and aesthetic identity of literature, perception, interpretation, historical and literary concept.

© Алпатова Т.А., 2012.

* Работа выполнена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, ГК № 14.740.11.0562.

ственных и духовно-нравственных открытий, что делает в своём творчестве писатель и без познания которых невозможно истинное чтение – «художественная встреча» (И.А. Ильин) [6, с. 8] автора и читателя. Литературоведение в конечном итоге довершает в наших глазах построение научной картины мира – правда, мира словесности, поскольку «историческая действительность никогда не выразит своей эпохи полнее и вернее, чем гениальные творения духа, в ней возникшие, – именно потому, что они говорят иное и большее, нежели действительность» [5, с. 73].

Историки русской науки не раз отмечали её специфический характер, резко отличающийся присущее сознанию русского человека целокупное, всеобъемлющее любознательное от более сухого, рационалистичного, институализированного в виде школ и систем знания на Западе. Так, выделяя среди прочих особенностей русской философии её антропоцентризм, В.В. Зеньковский утверждал, что именно тема человека и истории и позволяет в России «объединить с философией и другие формы, в том числе литературу» [4, 1, с. 1, 20]. Добавим – и филологию, потому что в России философичны часто очень далекие от собственно философии науки, а сама философия ищет свои корни – как в области методологии, так и в сфере построения дискурса – в областях, пограничных между наукой и искусством. Основа целокупного знания – особое построение словесного дискурса, и именно филология, литературоведение способны описать законы его существования и возможности.

Категория личности писателя-классика имеет особое значение не только для истории русской литературы, и даже не только для истории литературоведения, но для всей отечественной культуры в целом. Это определяется уже в самом терминологическом значении таких понятий, как «литературная классика» и «писатель-классик». Произшедшие от идеи «образца, в русском сознании они обрели статус одной из определяющих аксиологических категорий, ибо классика –

область безусловных ценностей в литературе, не подверженная временной редукции, «вечная», в противоположность сиюминутно популярной беллетристике, и писатель-классик, творчество которого направлено на создание вечных ценностей, прошло проверку временем и выражает наиболее значительные, фундаментальные культурные ценности народа.

Личность и творчество любого писателя-классика безусловно представляет собой некий особый, целостный, внутри себя завершённый и самодостаточный мир, обращение к которому – не только читательское, но и филологическое, исследовательское – не может быть произвольно-волюнтаристским. Какими бы ни были целеполагающие установки исследователя, соприкоснувшись с творчеством яркого, значительного художника слова, он неизбежно корректирует свои подходы с тем, чтобы они были соприродны исследуемому материалу. Таким образом личность и творчество писателя обретают в историко-литературном описании особый статус, становятся не безличным «объектом» научного анализа, но направляют и в известной мере организуют исследовательскую мысль. Именно этот закономерный процесс в конечном итоге вписывает историю литературоведения в общий строй литературной, и шире – национальной культуры страны.

Одним из вызовов современности по справедливости может считаться чувство «конца», «заката» истории (О. Шпенглер), ощущение ситуации, когда уже будто бы невозможно создание чего-то нового, а глобализировавшееся и отчуждённое от породившего его человека знание сливается в обезличенный «гипертекст». В этих условиях исследование истории науки (в том числе истории литературоведения) представляется наиболее естественным и в то же время действенным ответом на вопросы, поставленные временем: «Наука обретает реальный смысл, когда её рассматривают не как отвлечённую данность, а как итог работы всех поколений ... Никакое научное положение,

ни одно наблюдение, ни одна идея не существуют сами по себе. Любая идея есть результат усилий, затраченных кем-то, и, пока вы не узнаете, кто был этот человек, в какой стране он трудился, что он считал истиной, а что заблуждением, пока вы не узнаете все это, вы не сможете по-настоящему понять тот или иной научный тезис или факт, ту или иную идею» [1, с. 49-50]. Культурообразующая роль истории науки, без сомнения, заключается в возможностях увидеть динамику на первый взгляд устоявшихся идей – и увидеть личность человека там, где, казалось бы, присутствует лишь надчеловеческая, рационально постижимая истина. И в этом смысле комплексное исследование истории литературоведения сквозь призму изучения личности и творчества русских писателей-классиков раскрывает значительные методологические возможности как для истории науки, так и для самого литературоведения как такового.

Комплексное исследование обсуждаемой проблемы требует уточнения таких понятий, как «рецепция», «интерпретация», «художественное восприятие», «прочтение» и др., и в первую очередь своеобразного разграничения собственно читательского (т. н. «наивного») восприятия и чтения исследователя – ранее обозначавшегося как «эталонное», но, по-видимому, более органично определяемое как «герменевтическое», «рефлексивное» – т. е. рационализированное и нацеленное на выявление скрытых смыслов художественного текста [2], [3], [11]. Ю.Б. Боров в развёрнутом очерке развития наиболее авторитетных теоретических разработок герменевтики и рецептивной эстетики выделяет целый ряд проблем, которые возникают в связи с различными понятиями «чтения» («прочтения»). Это в первую очередь своеобразная легитимизация интерпретаций, без которой невозможно понять художественное целое – принципиально «открытое произведение» (У. Эко), нацеленное на то, что будет воспринято реципиентом («читательское восприятие участвует в конструирова-

нии произведения, формировании его онтологического статуса» [3, с. 6]). Изменение этого восприятия обладает самостоятельной культурной ценностью, исторической обусловленностью, свидетельствует не только о новых смыслах текста, актуализирующихся в процессе обновления его восприятия, но и о том воздействии, которое способен оказать текст на личность, воспринимающее сознание. «Произведение многолико в своём воздействии на аудиторию и в синхронном, и в диахронном срезе» [3, с. 17], – аудитория меняется под влиянием этого воздействия; в случае же, когда речь идет о профессиональном, «герменевтическом» чтении, эти изменения в восприятии личности писателя, его творчества, отдельного текста и т. д. свидетельствуют о становлении и развитии самой методологии анализа.

Указанный аспект представляется развитием идеи Г.Р. Яусса об исторической логике развития рецепции как социокультурного феномена, одной из граней которого оказывается перспектива развития научной (литературоведческой) методологии. «Историк литературы, прежде чем он поймет и оценит произведение, сначала должен стать читателем. <...> Филологическое знание всегда связано с интерпретацией, целью которой должно быть осознание и описание актов познания своего предмета как момента нового понимания. История литературы – это процесс эстетической рецепции и производства литературы, который осуществляется в актуализации литературных текстов усилиями воспринимающего читателя, рефлексивного критика и творящего, т. е. постоянно участвующего в литературном процессе писателя» [13, с. 45]. «Рефлексирующий критик», рационально обусловленное, «герменевтическое» чтение при таком подходе становится одним из ключевых звеньев не только социокультурного бытования литературного произведения, но и того вос-создания его смысла, ради которого и осуществляется «художественная

встреча» (И.А. Ильин) автора и его самых разных (в том числе и «профессиональных») читателей.

Отдельной проблемой в комплексном исследовании феномена личности и творчества русских писателей-классиков как меры методологического развития историко-литературной науки оказывается оформление самого понятия «литературной классики», «классического». По справедливому мнению целого ряда современных исследователей, сегодня оно оказывается одним из самых спорных – постмодернистская парадигма, ориентированная на «ризоматичную» (Ж. Делёз, Ф. Гваттари) культурную модель, принципиально отвергает установку на классическое как «образцовое», безусловно избранное. Вместе с тем, феномен литературной классики всё чаще привлекает исследователей – и как духовно-нравственная, национально значимая ценность [10], и как социокультурное явление, своеобразный «литературный пантеон», включение или же невключение в который – свидетельство не столько о ценности самого писателя, сколько о процессах, протекающих в общественном сознании той или иной эпохи и кристаллизующихся вокруг личности и творчества писателя-классика, вокруг его «литературного мифа».

Думается, что, хотя абсолютной точности и завершённости в интерпретации понятия «классика» внести невозможно, всё же важным шагом здесь может стать и синтез духовно-нравственного, социокультурного и собственно художественного его значения; именно о последнем в определении классического исследователи говорят не столь часто, хотя сами художники, пожалуй, воспринимали этот критерий как определяющий – вспомним пушкинскую формулу: «чувство соразмерности и сообразности, в котором только и состоит сущность искусства» [8, с. 11, 52]. Не «правильности», «образцовости», но точности, уместности и потому высшей гармонии художественного воплощения. Именно в этом видел основу понимания классического в искусстве А.В. Михайлов:

«„классика“ понимается не только и не столько в смысле образца, сколько в смысле поэтической системы, метода, стилистического склада» [7, с. 486]; «стремящееся к простой, объёмной и точной простоте, классическое слово снимает стилистические уровни слова, преодолевает их и стремится к точной предметности своего значения <...> захватывает предмет в его неразложимой цельности» [7, с. 490]. Цельное знание о мире, воплотившееся в органичной художественной целостности, духовно значимое в развитии нации, социума, отдельных личностей – один из основных критериев классической литературы; её постижение становится своеобразным «вызовом» историко-литературной науке, «отвечая» на который, она и формирует свою методологию.

Изучение личности и творчества писателя, в особенности писателя-классика, значение которого для становления национальной культуры является общепризнанным и наследие которого рассматривается как ценностный феномен в развитии литературы всего народа, – важнейшая задача историко-литературной науки. Сама специфика её существования в системе культуры определяется тем, что историко-литературное знание всегда «очеловечено», всегда существует «в персональном измерении», т. к. обращено к истолкованию целостного духовно-эстетического феномена, каким является личность и творчество крупного художника. Поэтому в периоды методологических кризисов, поиска новых путей развития, в стремлении обосновать собственную научную парадигму история литературы, наряду с тенденцией сближаться с иными науками, нередко выходящими за пределы чисто гуманитарного дискурса (естественными науками в XIX в., математическими – в середине XX в.), гораздо более значительным направлением оказывается обращение к ярким, многогранным личностям писателей, творчество которых имело поистине «знаковый» характер для своей эпохи. Исследование А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехо-

ва – всякий раз новая литературоведческая проблема; взятая в целом, как единая парадигма научного знания, сфокусированная вокруг творческой индивидуальности писателя, она обретает собственную логику развития и становится важной составной частью национальной культуры. Осознание места указанной научной парадигмы в контексте культурной ситуации эпохи – одна из серьезнейших проблем современного гуманитарного знания, не разрешив которую, невозможно ни обновить методологию литературоведения, ни решить его общественные задачи, ни совершенствовать как литературную, так и научную культуру общества в целом.

Определение перспективных путей изучения отечественной историко-литературной науки на сегодняшний день обретает особую актуальность. Она определяется целым рядом факторов: от прагматической методической задачи органичной интеграции курса литературоведческой историографии в новую систему подготовки студента-филолога до осознания общекультурной проблемы: чем обосновывается значимость гуманитарного знания в современном мире, какими путями развивается интеллектуальная история и что ждёт человека на этих путях? История литературоведения, рассматриваемая как факт национальной культуры, живёт и развивается в системе общекультурного целого, по его законам; но и сама она, как научная дисциплина, имеет собственные законы развития. Понять их необходимо прежде всего для того, чтобы история литературоведения окончательно обрела свой статус исторической дисциплины – и таким образом основой изучения литературоведческой историографии на разных этапах современного вузовского и послевузовского образования становится идея единства литературы, литературоведения и культурной ситуации, в которой и происходит желанная «художественная встреча» автора и его читателя – критика, интерпретатора, учёного.

Развитие этой идеи неизбежно заставляет признать, что в истории литературоведения

как науки, пусть в иной форме и иными дискурсивными средствами, реализуется та же – или схожая – задача, что и в самой литературе как искусстве слова. Отсюда такое важное значение проблемы выражения, стиля, языка науки – гораздо большее, нежели это принято в иных сферах гуманитаристики. По мысли А.В. Михайлова, литературоведению как науке присуща особого рода точность, которая «состоит в том, что отдельное постоянно соопределяется с историческим целым – с целостным процессом развития национальной литературы, который сам, в свою очередь, находится в беспрестанном процессе осмысления и оценки (никогда не стоит на месте, никогда не бывает готовым результатом, чем-то сложившимся)» [7, с. 31]. Только в этом случае литературная наука получает возможность реализовать свою главную задачу – стать «языком и проводником культурной традиции» [7, с. 31] и в конечном итоге – частью национальной культуры в целом. И основой для этого становится язык, а следовательно, само развитие историко-литературной науки немислимо изучать вне сферы его понимания – т. е. вне личностного, живого, динамично изменчивого начала.

Художественный мир писателя-классика, рассматриваемый с феноменологической точки зрения, предстает для исследователя особого рода системой, в которой, по мысли Ф. Шлейермахера, «словарь автора и историческая эпоха образуют целое, внутри которого отдельные произведения понимаются как части» [12, с. 65]. Поэтому для истинного понимания художественного произведения толкователю предстоит «уподобиться автору» [12, с. 65], т. е. воспринять его как целое, вступить с ним в живой творческий диалог. Автор для интерпретатора – не безличный «материал» исследования, он обладает субъективной значимостью – как «другой» (М. Хайдеггер), «зеркало» (И.Ф. Анненский), «собеседник» (М.М. Бахтин). Рождающийся при таком подходе диалог автора и его читателя развёртывается в истории литературоведения как науки в «большой диалог» дина-

мично развивающихся сфер гуманитарной мысли, школ и отдельных учёных, всякий раз по-своему отвечая на брошенный автором вызов – ибо «всякое чтение текста <...> всегда осуществляется внутри того или иного сообщества, той или иной традиции, того или иного течения живой мысли, которые имеют свои предпосылки и выдвигают собственные требования» [9, с. 39-40].

Взгляд на историю литературоведения, представляемую в личностном измерении, предполагает, что центром изучения становится своеобразный диалог автора и его читателей – развертывающийся во времени, изменчивый, определяемый целым рядом закономерностей – как социальных, исторических, культурных, так и психологических, зависящих и от общественных процессов, и от личных жизненных принципов и эстетических представлений.

Уже в недрах зарождавшейся в XVIII столетии историко-литературной науки оформлялся этот интерес к личности художника как целостному культурно-эстетическому и психологическому феномену – исследователи ощущали особую магию таких авторов, как А.Д. Кантемир, М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, стремились понять их роль в становлении и развитии национальной культуры. На рубеже XVIII-XIX вв. центром изучения становятся также «менявшие» свою эпоху Д.И. Фонвизин, Г.Р. Державин, Н.М. Карамзин. Пушкин, Лермонтов, Достоевский – каждый из этих художников становится особой задачей для своих истолкователей, от-

ражаясь в их художественных мирах как в своеобразном зеркале, последующие эпохи искали и обретали возможность лучше понять себя.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Азимов А. Зачем нужна история науки? // Химия и жизнь. – 1976. – № 10. – С. 49-50.
2. Богин Г.И. Типология понимания текста. Калинин, 1986. – 86 с.
3. Боров Ю.Б. Теория художественного восприятия и рецептивная эстетика, методология критики и герменевтика // Теории, школы, концепции (Критические анализы). Художественная рецепция и герменевтика. – М., 1985. – С. 3-68.
4. Зеньковский В.В. История русской философии: в 2-х т. – М., 1991.
5. Иванов В.И. О гении // Иванов В.И. Родное и вселенское. – М., 1994. – С. 73-74.
6. Ильин И.А. О чтении и критике // Ильин И.А. О тьме и просветлении. – М., 1990.
7. Михайлов А.В. Языки культуры. – М., 1997. – 912 с.
8. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937 - 1959. Т. 11. Критика и публицистика, 1819 - 1834. – М.; Л., 1949. – 600 с.
9. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. – М., 2008. – 624 с.
10. Хализев В.Е. Классика как феномен исторического функционирования литературы // Классика и современность. – М., 1999. – С. 67-83.
11. Чтение: рецепция и интерпретация. Сборник научных статей: в 2 ч. – Гродно, 2011.
12. Шлейермахер Ф. Герменевтика. – СПб., 2004. – 242 с.
13. Яусс Г.Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 12. – С. 34-84.